

Серия «Фантастика. Русский путь»

ДАНИЭЛЬ КЛУГЕР, ДАЛИЯ ТРУСКИНОВСКАЯ,
АЛЕКСАНДР БЕСТУЖЕВ, ВЛАДИМИР ОДОЕВСКИЙ
и многие другие

ИЗ ИСКРЫ ВОЗГОРИТСЯ ПЛАМЯ

Ростов-на-Дону

 ЕНИКС
2026

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2=411.2)-445.1
КТК 650
И32

Художественное оформление
Андрея Ивахненко и Марии Фроловой

И32 Из искры возгорится пламя : [повести и рассказы]. — Ростов н/Д : Феникс, 2026. — 459 с. : ил. — (Фантастика. Русский путь).

ISBN 978-5-222-46815-9

Восстание на Сенатской площади в декабре 1825-го — судьбоносное событие для России. В тот день история страны могла направиться в совершенно иное русло. Все мог решить один отважный поступок, ошибочный приказ или даже меткий выстрел. Представим, что так и случилось... За двести лет вокруг восстания декабристов появилось и исчезло столько мифов, легенд и небылиц, что давно пора бы им перейти в область чистой фантастики. Фантастики разной по духу: боевой, сатирической, философской, юмористической, но неизменно увлекательной. Настоящий взгляд сквозь века, ведь рассказы в сборнике принадлежат перу как наших современников, так и непосредственных очевидцев тех грозных событий — Александра Бестужева, Владимира Одоевского, Федора Глинки, Александра Улыбышева.

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2=411.2)-445.1

ISBN 978-5-222-46815-9

© Авторы, 2026
© Иллюстрации: Фролова М., 2026
© Дизайн обложки и форзацев:
Ивахненко А., 2026
© Оформление: ООО «Феникс», 2026
© В оформлении книги использованы
иллюстрации по лицензии
Shutterstock.com

ПОД СЕНЬЮ ПУШКИНА

Далия Трускиновская

СЕКУНДАНТЫ

Жизнь понемногу наладилась.

Убедившись, что Валька вовек не заработает больше двух тысяч в месяц, тесть, теща и Татьяна вдруг успокоились, да и его оставили в покое. Даже по утрам будить перестали.

Но Валька все равно слышал, как первой вставала теща, возилась в ванной, потом на кухне, минут через двадцать вставал тесть, тоже возился в ванной и перебирался на кухню, потом теща на цыпочках, уже совсем одетая, приходила в Валькину с Татьяной комнату вынуть из кровати двухлетнюю Илонку. Заодно она будила Татьяну, и та осторожно перебиралась через Вальку — он любил спать с краю.

К восьми утра дома уже никого не было.

До девяти Валька слушал лежа радио или маг, потом брел на кухню. Завтракал он медленно и наслаждался одиночеством — за все сутки только эти полтора часа принадлежали ему безраздельно, и он их любил. Потом, застелив тахту, Валька одевался и ехал на завод — бездельничать.

За что ему платили эти два куска, почему еще не уволили, он понять не мог. Если совсем честно, не очень и пытался. Работа свелась к присутствию в крошечной конурке возле склада инструментального цеха, где Валька числился контролером ОТК. А фактически он несколько лет проработал художником-оформителем, хотя никакого художественного образования не имел. Начальство рассудило на редкость здраво: чтобы

размалевать дурацкий экран соцсоревнования, диплом не нужен, да и не положено такой штатной единицы — оформитель с дипломом. Опять же, без экрана ему, начальству, почему-то нельзя было, бескорыстно корпеть над ним никто не станет, и проще всего спрятать молодого и непрехотливого балбеса с гуашью и ватманом в конуру возле склада.

Как год назад, как два года назад, Валька ощутил на щеке поцелуй жены, но сон еще длился, вываливаться в утро не хотелось. Хотелось разве что включить радио, но как-нибудь так, чтобы без малейшего движения. И очень осторожно, по капельке перелиться из тьмы в свет, из ночи — в обыкновенное утро.

Потомившись минут пятнадцать, Валька высунул из-под одеяла руку, стараясь зря не расходовать драгоценное ночное тепло, включил радио и сразу же услышал начинающуюся песню.

Такие песни должны любить пенсионеры, подумал Валька, потому что вся она была насквозь старомодная. Но было в ней и обаяние, прелестная печаль о несбыточном, да и не хотелось второй раз высовывать руку, гонять настройку. Вот почему Валька просто лежал и слушал.

— Ночь весенняя блистала свежей южною красой, тихо Брента протекала, серебримая Луной, — описывал итальянскую ночь мнимобеззаботный голос. — Отражен в волне искристой блеск прозрачных облаков, и восходит пар душистый от зеленых берегов...

Валька от души позавидовал тем, кто в такую ночь катается в гондоле. Еще и потому, что вот раскинулись на заднем сиденье, полоща холеные пальцы в адриатической воде, а лодка скользит, а над глазами — большие южные звезды. Прямо сон наяву.

Пока он так завидовал, песня подошла к концу, и оказалось, что он ее толком и не услышал — так, хвостик поймал про то, что смолкли пышные забавы, все спокойно на реке, лишь Торкватовы октавы раздаются вдалеке... Осталась лишь тоска, совершенно не утренняя, по той далекой гондоле и той поющей женщине, и тоска эта вдруг сложилась в голове кусочек песни откуда-то из середины — и вдали напев Торквата гармонических октав... Что за октавы такие, подумал Валька, почему они звучат ночью над рекой?

Растревоженной немудреной песней, Валька выбрался из постели и на автопилоте побрел в ванную, думая, что Лешка наверняка скажет ему про эти Торкватовы октавы — его в детстве как раз на фоно играть учили целых три года, до бунта и вооруженного сопротивления.

По коридору Валька брел медленно, зная за собой способность со сна стукаться об углы. Но он все же споткнулся и чуть не влетел лбом в закрытую дверь. Это была упакованная пачка книг, судя по всему, толстых. Квартира иногда под завязку набивалась такими вот пачками. Теща наладилась промышлять дефицитными изданиями. Откуда-то она их привозила, куда-то увозила и даже похудела от этого бурного бизнеса. Валька в ее дела носу не совал. Но краешек бумаги он оторвал, чтобы посмотреть, что это за кирпичные тома. Сидя на корточках, он попытался прочитать слово на корешке, но буквы из серединки не складывались ни в какое знакомое слово. Тогда Валька осторожно вытащил всю книгу.

Это был солидный том в прекрасном темно-синем переплете и на газетной желтой бумаге. Наслушавшись за столом тещиных монологов, Валька стал в таких вещах разбираться. Автора звали Александр Корнилович. Валька открыл том, оказавшийся вторым, и прочитал: «История Петра Великого».

Со вздохом Валька засунул книгу обратно в стопку. Такую историческую тягомотину он бы и за деньги читать не стал. С него вполне хватило того Корниловича, которого еще в школе проходили. Теща в душе тоже не одобряла повального интереса к прошлому и позапрошлому веку. Но раз за Корниловича народ был готов платить деньги, даже за двухтомник на газетной бумаге, то и разговора нет!

На кухне Валька обнаружил макаронник, бутерброды с сыром и чайник со свежей заваркой. Чтобы не возиться с посудой, он поставил на стол всю сковородку, благо она достаточно остыла, и стал наворачивать макаронник прямо оттуда, особенно радуясь его поджаристым бокам. Бутерброды он решил унести в комнату и жевать их под хорошую музыку... Впрочем, тот куплет так и не сложился, хотя явно записался на внутренний Валькин магнитофон. А музыка вот внутри слышалась, и даже виделась женщина — в длинном простом платье, с тяжелым узлом темных волос на затылке, с изящным профилем, сидящая почему-то не в гондоле, а за маленьким пианино. Рядом стоял круглый столик на ножке, на столике ваза, в вазе был большой букет. За столиком обнаружилось раскрытое окно. На подоконнике лежали скомканные перчатки и свернутый в трубочку лист бумаги.

Вот такое наваждение случилось утром с этим самым Валькой, невысоким блондином щуплого телосложения, примечательным разве что

ясными и широко распахнутыми голубыми глазами, и с наваждения началась история настолько странная, что, когда он попытался ее толком осознать, ему пришлось набросать на бумажке краткий план событий, причудливо зацепившихся друг за дружку именно таким образом, а не каким-либо другим. Впрочем, перед тем, как войти в кабинет следовательно, он эту бумажку, сплошь исчерканную за время сидения в коридоре, выбросил и на все вопросы отвечал четко и кратко.

Да, с Изабеллой Гронской познакомился на заводе, в марте, числа не помнит. Встречались несколько раз у нее в мастерской, что на озере. Она консультировала его перед поступлением на дизайнерские курсы.

В мастерской познакомился с ее соседями по дачному поселку и с Анатолием Широковым. Широков приезжал заказывать зайца. Он писал пьесу, где по ходу действия должен появиться почти натуральный заяц. Гронская обещала ему сделать зайца из папье-маше.

Об ответственности за дачу ложных показаний предупрежден.

Свое положение осознает.

Да, провести вечер в Доме работников искусств предложила она. Она хотела познакомить его с Микитиным. Они пошли искать Микитина по номерам. Нашли. Потом сидели в чьем-то номере и говорили... Ну, о дизайнерских курсах, о чьей-то выставке. Там еще была супружеская пара, друзья Микитина. Кто такие? Об этом лучше спросить его самого. Потом Микитин пошел провожать их на предпоследнюю электричку. Еще заходила женщина в брюках, принесла Микитину газеты. И пришли посидеть двое мужчин, принесли бутылку сухаря.

Гронская в это время ходила в гости на другой этаж. Да, она просто хотела познакомить его с Микитиным, чтобы тот помог насчет курсов. Она вернулась, когда все разбрелись, а Микитин еще не вернулся.

Она была очень сердита. Пожаловалась, что к ней в каком-то холле привязался пьяный. Чтобы не пошел следом, она обещала ему через пять минут прийти в этот холл на пятом этаже. Или в коридор. Или в холл. Где-то там, на пятом этаже. И удрала.

Валентин сам вызвался шугануть пьяного, чтобы не шастал по номерам в поисках Гронской? Вроде бы сам. Она попросила обойтись без шума, просто сказать пьяному, чтобы шел спать. Или, если понадобится, вывести его на свежий воздух поаккуратнее. Описала ли она пьяного? А зачем?

Приходилось ли Валентину слышать в мастерской у Гронской такое имя — Александр Миллер? Никогда в жизни.

По дороге к холлу он никого не встретил. Очень просто — он спустился с шестого по лестнице, а там все ездят на лифте. В коридоре горело лишь несколько лампочек. Да, было темновато. Пьяный стоял у огромного, во всю стену окна. Расстояние между ними было... шагов десять? Пьяный услышал шаги и обернулся? Наверно... Он стоял на ковре? Конечно, там всюду ковровые дорожки. И Валентин стоял на ковре? Стоял. Так и окаменел.

И когда распахнулась дверь пятьдесят второго номера? Ну, стоял. Он просто ничего не понял. На том же месте. Его отпихнул толстяк в розовой рубашке. Или в бежевой. Потом закричали женщины. Толстяк пихнул его. К окну или от окна? Кажется, от.

Где была Гронская? Наверху. Ждала его. Потом он опомнился и побежал к ней. Рассказал... Ее реакция? Растерялась. Ошалела. Допила то, что оставалось в бутылке. А вообще она как, пьет? Всякое бывает... А вообще в этом Доме работников искусств пьют будь здоров!

И ничего не сказала про пьяного? Сказала... повторить? Крепко про него сказала, на ту тему, что допился человек. Она его знала? Похоже, что не знала. Или очень плохо.

Того пьяного раньше никогда не видел. Ну, память-то профессиональная. Ошибка исключается.

Сосед приехал на машине за Гронской еще раньше. Он как раз тогда явился, когда к ней пьяный пристал. Может, она его по телефону вызвала, а может, заранее договорились. Там еще случайно оказалась одна ее подруга... Как зовут соседа? Хм... В мастерской Карлсоном дразнили. Он жил напротив. Подруга — Вера.

Вполне хватало имени Карлсон, он же с крыши не слезал...

Да, об ответственности за дачу ложных показаний предупрежден. Причина драки неизвестна. К пистолету даже не прикасался. Как пистолет попал под кресло? Кто его знает... Широков никогда не был агрессивным. В мастерской никто ни с кем не ссорился... Нет. Нет. Неизвестно. Да... Нет!

Валька провозился с плакатом по технике безопасности и не успел к открытию столовой. Чтобы не пихаться в очереди, он решил подойти к концу кормежки. Тем более что «вольный» пропуск, позволявший ему являться на завод когда угодно, распространялся и на столовую.

Подавальщица Маринка уже прилаживала к стеклянным дверям тяжелый деревянный брус, когда Валька наконец-то возник на пороге.

— Ну, куда, куда? — отодвинула она его дверной створкой. — Не видишь, закрыто!

— Еще четыре минуты! — возмутился Валька.

— Нам еще тех, кто внутри, обслужить!

— А как они выйдут?

— Выпущу!

— Ну, Мариша, три минуты же! — не сдавался Валька, хотя крепкая Маринка теснила его, и он рисковал получить дверной створкой по лбу.

— Перебьешься. Денис Григорьевич вообще велел пораньше дверь закрыть.

— А чего это он?

— А того, что сегодня интерьер вешать будут.

— Без меня? — опять возмутился Валька. — Мариша, ну, две минуты же еще!

Но тут Марина вынуждена была приоткрыть дверь, выпуская дюжину девчонок со сборки, и Валька моментально просочился в щель.

Страхнув с рукава Маринкину руку, он подбежал к кассе и умолил выбить шницель с компотом.

Строгий график в столовой соблюдали неспроста. Одна стенка кормежного комплекса выходила на улицу. Там проковывляли дверь, разгородили столовую эфемерной стенкой и устроили кафе. Это был хоть какой, а навар для кассы прогорающего завода. Оставалось только навести порядок и торжественно открыть кафе. Для такой благородной цели начальство пошло на кое-какие издержки.

Архитектор зачем-то придумал в стенке столовского зала большую нишу. Она пустовала по меньшей мере пять лет. И вот вокруг нее засуетились люди. Они стали резво двигать стремянку, сверлить в стене дырки, что-то волокли с тачки на придвинутые к нише столы — увесистое и завернутое в мешковину. Валька узнал спину бывшего парторга Дениса Григорьевича, профиль директора столовки, знакомых ребят и среди них Димку, который, видно, по привычке ждал его здесь до последнего мгновения и вот дождался — запрягли!

Валька со своим подносом спрятался за колонну, чтобы, обедая, еще и наблюдать за вывешиванием интерьера.

Тут народ перед нишей на секунду рассеялся и Валька увидел единственную в компании женщину.

Она была одного роста с мужчинами, в брюках, стриженная, и неудивительно, что сперва как-то затерялась в общей сутолоке. Но, разглядев ее, Валька чуть не охнул, потому что такие женщины не каждый день встречаются.

Она была в облегающем свитере, довольно широкоплечая, длинноногая, с тонкой талией, а под свитером и брюками, чувствовалось, налитая и крепкая, вроде мощных красавиц у старых мастеров. Но ей было еще далеко до той грани, за которой сила утрачивает грацию.

Пока Валька раздирал двумя вилками остывший шницель, на столе размотали мешковину и достали металлические штуковины. Их стали прилаживать в нише на разной высоте, причем галдели так, что голос женщины, командовавшей мужиками, совсем потерялся.

И тут Вальку обнаружил Димка Русаков.

— Ага! Вот ты где! — естественно, заорал Димка. — Денис Григорыч, тут еще одна лошадиная сила имеется!

Все уставились на колонну, за которой сидел Валька, хотя просматривался разве что его локоть. Женщина же, отойдя в сторону, увидела его в лицо.

Несколько секунд она смотрела на него, не отводя глаз, с пугающей внимательностью, хотя ничего этакого в Вальке не было: капуста на голове не росла, и одевался он не у Диора.

Увидев, что и он на нее смотрит таким же неподвижным взглядом, женщина сделала гримаску, будто стряхнула с лица все лишнее и оставила зачем-то скучающее неудовольствие. Сделав три шага, она оказалась прямо в нише и опять принялась командовать, расставляя мужчин с железьяками в руках одной ей ведомым порядком.

— Русаков, Валя, давайте-ка сюда! — приказал бывший парторг. — Тут как раз две пары рук нужны.

Валька слушался разжалованного парторга не по привычке. Тот до сих пор был как бы его непосредственным начальством, давал иногда необременительную работенку вроде плаката по технике безопасности и, очевидно, дорожил Валькой как одним из двух своих последних подчиненных. Кем теперь был оформлен парторг, Валька не знал, но раз уж его не увольняли, соблюдал почтение, как, кстати, и многие на заводе.

Валька отнес поднос с посудой на транспортер и подошел к нише.

Тут оказалось, что женщина уже не очень-то молода, лет на десять старше, чем сперва показалось Вальке. Волосы у нее были жгуче-черные, короткие и прямые, подстриженные так, чтобы густая челка доставала

до бровей, лицо — резкое, сухое, с прямым, малость крупноватым носом, но глаза при всем при том — светлые. Теперь Валька дал ей все сорок, отметив при этом, что его Татьяне бы такую роскошную фигуру... Татьяну-то после родов здорово развезло, а диета при ее сидячей работе проку не приносила.

Валька взялся за хвост бронзовой рыбины, ирреального гибрида щуки и угря, вместе с Димкой вознес эту рыбину на вытянутых руках туда, куда было велено, а женщина молча на нее уставилась.

— Изабелла Альбертовна, — почтительно обратился парторг, — такой вариант вас устраивает?

— Надо посмотреть еще издали, — сказала она, и они пошли в другой конец зала.

— Это кто такая? — спросил Валька у Русакова.

— Скульпторша, — объяснил Димка. — Изабелла Гронская. Слышал про такую?

— Ага, она не то заслуженная, не то народная. Только я не знал, что она еще и рыб лепит. Я думал, только людей.

— Лепит, лепит! — развеселился Димка. — Ты посмотри, чего она тут наваляла!

Бронзовая компания, розданная энтузиастам, состояла из двух фантастических рыбин, не менее фантастического краба, овечьей головы, плоского кувшина и блюда с экзотическими фруктами. Все это, укрепленное в нише на штырях, должно было символизировать богатство здешнего меню.

Скульпторша заботилась о художественных эффектах. Она требовала сдвигов на неуловимые доли миллиметра. Валька и Димка покорно перемещали свой ихтиологический гибрид.

Когда Гронская, поправляя рыбий хвост, встала на цыпочки возле Вальки и задела его грудью, он понял страшную вещь. Эта немолодая женщина ему нравилась, и нравилась именно тем, что в любой другой могло бы и оттолкнуть, — своей уверенной силой.

Мысленно Валька засуетился, ища возможность как-то с ней встретиться за пределами столовки. Кроме всего прочего, знакомство могло оказаться очень даже полезным. Она принадлежала к тому кругу людей искусства, в который заводскому оформителю-самоучке хода не было. И следовало сейчас сказать ей что-нибудь такое, чтобы она сразу поняла — он тоже не лыком шит, на выставках бывает и этим вот, которых выдернули из цеха на полчаса интересер приколачивать, не чета...

— Учись, Валентин, — вдруг бодро адресовался к нему Денис Григорьевич. — Вот как мастера работают. Семь раз примерь — один раз отрежь. Не то что некоторые — тяп-ляп, как на бумагу шлепнулось, так и ладно будет, и твердый знак с мягким путают.

Парторг подал Вальку Гронской, как на блюдечке, это он умел.

— Ну, что же вы человека конфузите, — разумеется, вступилась она. — Я тоже их путаю и ничего, жива.

— Вам можно. Вы их аршинными буквами на транспаранте не пишете, над вами весь завод потешаться не будет.

— Вы художник-оформитель? — обратилась скульпторша к Вальке.

— Он самый...

— Учитесь где-нибудь?

— Два раза на вступительных в академию провалился! — сердито отпарторговал Валька. — И больше туда не собираюсь!

— А напрасно, — гнул свою линию Денис Григорьевич. — В тебе определенно что-то есть.

— В его работах, вы хотите сказать? — поправила Гронская.

— Валентин, ты бы сбегал, принес, показал! — мгновенно среагировал хитрый парторг. — Пусть тебе умный человек скажет. А то корпийшь-корпийшь, как рак-отшельник, а потом в академию проваливаешься.

— Это будет очень интересно, — нейтральным тоном заметила скульпторша, — но давайте сперва добьем композицию. А то у меня в четыре комиссия, и это заседание я не могу пропустить.

Валька почувствовал себя как отодвинутая мебель.

Он выключился из общего разговора и был очень доволен, когда рыбину стали приколачивать к стенке, а его отпустили.

Размышляя о том, что нечего неудачникам соваться к заслуженным и народным, Валька побрел к выходу. Гронская чуть раньше опять отправилась в дальний угол зала, чтобы бросить окончательный взгляд на композицию, и оказалась возле кассы одновременно с Валькой.

— Предлагаю такой вариант, — негромко сказала она. — Моя мастерская возле озера. До конца недели я буду там безвылазно, работы накопилось. Привозите свои вещи. Может быть, я смогу вам чем-то помочь.

— А это где? — ошарашенно спросил Валька.

Скульпторша дала адрес. Валька шепотом повторил его.

Весь этот разговор произошел очень быстро и для посторонних незаметно. Они могли понять это так, что Гронская вглядывается в свою бронзу и небрежно спрашивает у Вальки, как впечатление.

А потом она, не прощаясь, направилась обратно к нише.

Валька же двинулся к выходу и налетел на Маринку с кассиршей Крутиковой.

— Ну, ты даешь! — шепотом восхитилась Маринка. — Тут все перед ней на пузе ползают, а она его на дачу зовет!

— Тоже нашла сокровище... — брюзгливо заметила Крутикова. — Гений непризнанный, художник от слова «худо».

Удаляясь быстрым шагом от развеселившихся женщин, Валька услышал за спиной и вовсе пренебрежительное:

— Ни кожи ни рожи!..

Конечно, странно было, что сама Гронская — и вдруг оформитель Валька, который, действительно, ни кожи ни рожи. Валька понимал, что с ее-то внешностью и в шестьдесят можно замуж выскочить. И наверняка вокруг нее вертелись стаями непризнанные гении, наверняка они ей до полусмерти надоели.

Так в чем же дело?

Этот вопрос не давал Вальке покоя до субботы.

Дома к его сборам отнесли с добродушной иронией. В субботу с утра Татьяна повытаскивала из антресолей все его ранние работы, запакованные в коробки из-под конфет. Он перебрал их и вздохнул — стыд и срам, старшая группа детсада... Вот разве что любимые геометрические композиции с шарами и призмами, да и то — какой в них внутренний смысл? А новых было две, и обе — позавчерашние.

Все это время Валька мурлыкал про себя ту утреннюю песню. Под впечатлением он вытащил из-за стекла охапку художественных альбомов, над которыми теща дрожала, потому что живые деньги, и выяснил, как на самом деле выглядит гондола. Естественно, попробовал нарисовать ночной пейзаж с водой и гондолой, но вранье получилось страшное, а главное — ничего общего с песней. Тогда он нарисовал женщину в длинном платье за маленьким пианино, возле вазы с букетом. Тут уж песня хоть чуточку, да зазвучала.

А когда он обошелся без пианино, когда он просто поставил эту женщину у окна, возле стола с вазой, и положил ее руку на подоконник возле скомканных перчаток, а тонкая прядь выбилась из узла на шею и грудь, а вдали как-то сами собой возникли невысокие плоские холмы и река... причем ничего в этих холмах и реке не было итальянского...

Собираясь к Гронской, Валька обнаружил, что у нарисованной женщины одна рука короче другой, и вообще все сделано ужасно. Но поздно было малевать что-то новое. Он запаниковал.

Татьяна, которая в таких вещах напрочь не разбиралась, в конце концов ругнула его и отправилась с Илонкой гулять. А Валька еще полчаса сидел на тахте и громил вдребезги свои вчерашние мечтания. Он уже видел, как разложит перед ней на полу — знаем ваши богемные нравы, знаем! — свои листы, как она, конечно же, забракует первый, второй и третий, а над четвертым задумается, над пятым тоже. Потом медленно подойдет к телефону, накрутит номер и скажет в трубку другой какой-нибудь знаменитости: «Послушай, старик, я тут интересного парня нашла, не возьмешь ли ты его к себе осенью на дизайнерские курсы? Способный, да...» Или что они там говорят друг другу в подобных случаях.

Кое-что он все же отобрал. Остальное теща заставила вернуть на антресоли и только тогда выпустила из дому.

Дорога к Гронской заняла больше часа.

Ее дом стоял в дачном поселке среди свеженьких коттеджей, хотя на вид был довольно старый. Через дорогу как раз доделывали очередную новостройку. На крыше особняка возился коренастый мужичок в спецовке.

Перед домом Гронской был огород. Снег уже сполз, открыв голые грядки. За домом и справа от него был старый сад, калитка же находилась в проулке. И Валька понял, что Гронская и ее друзья — ленивые люди. Им удобнее было проковырять дыру в проволочном заборе и топать к порогу через грядки, чем огибать угол и входить в дом приличным образом.

Валька вошел через калитку, миновал заросли сирени и постучал в дверь. Гронская громко пригласила внутрь.

Он вошел.

Из крошечной кухни-прихожей мастерская была видна вся целиком, потому что дверь между ними отсутствовала.

Гронская приветливо смотрела на Вальку из-за постамента, над которым лежала в воздухе женская зеленая фигура около метра длиной. Ее, как тот ихтиологический гибрид, поддерживали штыри, только не сбоку, а снизу.

Валька повесил куртку на вешалку, приткнул к стене сумку и вошел. Гронская вышла из-за фигуры поздороваться. На ней были майка и тренировочные штаны — все облагающее. А тут еще Валька углядел в углу

гипсовую обнаженную даму, всей статью сильно похожую на Гронскую, и ему стало неловко.

Гронская приказала Вальке быть как дома и ушла на кухню варить кофе. Он и стал слоняться по мастерской.

Эта комната была больше, чем вся Валькина жилплощадь с ванной и туалетом вместе. Вдоль одной стены тянулись пятиэтажные нары из таких здоровенных досок, что хоть гостей спать укладывай — предварительно снимав бронзовых болванчиков, гипсовые рожи, кривые кувшины и прочие, очевидно, еще студенческие грехи хозяйки. Напротив стояла этажерка с такой импортной искусствоведческой литературой, что теще и не снилась.

Над этажеркой висело маленькое пыльное распятие из блекло-желтого пластилина.

Крест за фигуркой Спасителя едва угадывался. Собственно, крест образовали канонически расположенное тельце и распростертые руки... Впрочем, руками они могли показаться лишь издали. Это были два пригвожденных к кресту крыла.

Было в этой фигурке что-то такое пронзительное, такое отчаянное, что Вальке стало стыдно разглядывать ее с любопытством, пусть даже и с творческим.

Увидев на широком подоконнике наброски, Валька ухватился за них, стараясь не возвращаться взглядом к распятию.

Это была обнаженная лежащая девушка. На чуть намеченном лице выделялись разве что очки, да еще толстая коса лежала на груди. Эту девушку и лепила Гронская, видимо, пользуясь эскизами, когда натурщица отсутствовала. Только у зеленой пластилиновой фигуры короткие волосы торчали дикими клочьями, да и лицо тоже было диковатое...

— Садитесь, — сурово сказала Гронская. — Сейчас поьем кофе. Да не хватайтесь вы за сумку!

Валька, подавшийся было к прихожей, окаменел.

— Совсем не обязательно обливать ваши работы кофеем и мазать их яблочным повидлом, — пытаюсь смягчить оклик, объяснила Гронская. — Начнем с моих многочисленных вопросов... Во-первых... вам с сахаром?

— Да, — ответил Валька. Гронская, сунув руку за ситцевую занавеску, вытянула круглый белый одноногий столик.

— Там у меня лежбище, — объяснила она. — Когда ночью не спится, устраиваю себе банкеты.

Нисколько не смущаясь, Гронская собрала со столика грязную посуду, в том числе и коньячную бутылку, и унесла на кухню.

Валька с интересом посмотрел на этот столик. Где-то что-то похожее он недавно видел, с такими же маленькими нелеспыми лапками, отходящими от основной ноги...

Гронская принесла с кухни две огромные глиняные кружки с горячим кофе, хлеб, банку с повидлом и здоровенный, на вид очень старый охотничий нож.

— Люблю старое оружие, — ответила она, не дожидаясь Валькиного вопроса. — Ну, поехали. Сколько вам лет?

— Двадцать пять.

— Намазать повидлом?

— Пожалуйста...

— Давно рисуете?

— Со школы.

— Лепить не пробовали?

— Как-то не получалось.

— Зря вы так нарядились.

Валька, и без того ошалевший от стремительного допроса, вовсе онемел. Татьяна же нарочно выдала лучший свитер!

— А то бы я прямо сейчас вручила вам корыто с глиной и посмотрела бы, на что вы способны.

Она так это сказала, будто принесенные работы не заслуживали ее высочайшего внимания. Хотя вдруг их Вальке кто-то поправлял и вылизывал?

— А нет у вас старого халата? — вдруг, обидевшись, потребовал Валька. — Или рубашки?

— Точно! Халат я вам дам. А корыто одна вытащить не смогу, — без всякого удивления ответила Гронская.

— Тяжелое?

— Тяжелое — ерунда. Оно так стойт, что не подступишься. Если Пятый что-то сдачу засунет — краном не вытащишь.

Валька чуть не спросил, что еще за Пятый, но слишком странно прозвучало слово — он мог и ослышаться.

— Вытащим, — пообещал он.

— Да вы допейте сперва кофе, — удержала его за столиком скульпторша. — Булку съйте. Совсем забыла — у меня еще халва осталась. Вы любите халву?

Странным было, во-первых, то, что при таких словах все женщины гостеприимно улыбаются, Гронская же и не пыталась; во-вторых, она вдруг засуетилась; в-третьих, эта суета совпала с неожиданным Валькиным ощущением — будто за ними исподтишка наблюдают.

Отродясь он не чувствовал затылком чужого взгляда. Но тут сразу понял, что надо обернуться.

По ту сторону окна облокотился о подоконник человек.

Он был фантастически круглолицый, только платочка не доставало, чтобы вообразить его улыбчивой деревенской бабулей у окошечка. Да еще стоял не с той стороны...

Гронская махнула ему рукой, чтобы заходил. Она сидела лицом к окну и наверняка видела, как подкрался этот человек. Но махнула лишь тогда, когда и Валька его заметил.

Пришелец, сняв куртку, вошел в мастерскую, и Валька увидел, что он не просто плотный, а даже толстый, хотя совсем не старый. Снял он и шапку. Оказалось, что его круглая голова подстрижена смешным ежиком, еще более почему-то забавным оттого, что пришелец начинал лысеть.

Небольшие темные глаза под красивыми соболиными бровями смотрели вполне простодушно.

— Знакомся, Широков, — сказала скульпторша. — Вот, новое дарование я откопала. Зовут Валентин. Двадцать пять лет. Будет поступать к Микитину на дизайнерские курсы.

Именно такие слова нафантазировал Валька. Реплика была — в самый раз для знакомства, каждое слово — правда, и про курсы тоже, Валька понимал это. И все же Гронская сейчас лгала — голос был лживый...

— Анатолий, — сказал Широков и протянул руку.

— Кофе будешь? — спросила Гронская.

— Буду. Ты еще для Карлсона чашку поставь, он как раз с крыши слезает.

— Нашел себе трактир... — пробурчала Гронская. — Ладно, я ему яичницу пожарю и пусть уматывает, а ты спустись с Валентином в погреб и вытащи корыто с глиной. Сам его туда затолкал — сам и извлекай!

Широков повел Вальку в погреб.

Он действительно так лихо задвинул корыто за ящики и бочки, что в одиночку можно было только вцепиться в край и тянуть до грыжи. Но Широков легко и даже изящно сдвинул пирамиду тяжелых ящиков, а вся польза от Вальки была в том, что он придержал дверь, пока Широков тащил корыто по лестнице. В мастерскую они внесли его вдвоем.

СОДЕРЖАНИЕ

Под сенью Пушкина	3
<i>Далия Трускиновская. Секунданты</i>	4
<i>Виталий Шишикин. Зайчик</i>	132
<i>Александр Просвиринов. Станция Залазы</i>	141
Хроника несбывшегося	159
<i>Ника Батхен. Поединок</i>	160
<i>Тимофей Алешкин, Олег Матросов</i>	
Три разговора с императором	169
<i>Борис Богданов. Дети революции</i>	187
Константин и Конституция	197
<i>Григорий Панченко. Звезда пленительного</i>	198
<i>Тадеуш Стоцкий. Châteaux en Pologne</i>	204
<i>Даниэль Клугер. Двойное отражение,</i> или Эпизоды иной жизни Александра Грибоедова	220
Очень странные варианты	277
<i>Дмитрий Осин. Шестая петля</i>	278
<i>Татьяна Минасян, Александр Путятин</i>	
Кто ты и откуда?	299
<i>Сергей Удалин. Искра надежды.</i>	315
Декабристы: мы и они	323
<i>Вячеслав Ледовский. Наши мертвые нас не оставят</i>	324
<i>Алексей Филиппов. Заботы отца Евдокима</i>	337
<i>Павел Виноградов. В тот назначенный час</i>	346
<i>Влада Ладная. День открытых дверей</i> в отечественной истории	361

Декабристы: они и мы	371
<i>Олег Кулагин. Общество соединенных славян.</i>	372
<i>Татьяна Минасян. Ольга I, Павел II.</i>	400
<i>Владимир Лещенко. Из «Очерков Второй русской Смуты»</i>	406
Декабристские страницы	425
<i>Александр Бестужев (Марлинский). Объявление</i>	426
<i>Федор Глинка. Чудесная сопутница</i>	435
<i>Александр Улыбышев. Сон</i>	440
<i>Владимир Одоевский. Зефироты</i>	447

ИЗ ИСКРЫ ВОЗГОРИТСЯ ПЛАМЯ

Повести и рассказы

Ответственный редактор *А. Васько*

Арт-директор *Н. Джинчарадзе*

Технический редактор *Г. Логвинова*

Верстка: *М. Курузьян*

RU Из искры возгорится пламя: повести и рассказы.

Формат: 60×90/16. Тираж 2 500 экз. Заказ №

Издатель и изготовитель: ООО «Феникс». Юр. и факт. адрес: 344011, Россия, Ростовская

обл., г. Ростов-на-Дону, ул. Варфоломеева, д. 150. Тел./факс: (863) 261-89-65, 261-89-50.

Изготовлено в России. Дата изготовления: 04.2026. Срок годности не ограничен.

Отпечатано в ООО «Можайский полиграфический комбинат».

Юридический и фактический адрес: 143200, Россия, Московская обл., г. Можайск,

ул. Мира, д. 93. www.oaomrk.ru. Тел.: +7 (49564) 28-619.

KZ Ұшқыннан жалын тұтанады: повестер мен әңгімелер.

Форматы: 60×90/16. Таралымы 2 500. Тапсырыс №

Баспагер және дайындаушы: «Феникс» ЖШҚ. Заңды және нақты мекенжайы: 344011,

Ресей, Ростов обл., Дондағы Ростов қ., Варфоломеев к-сі, 150 үй.

Тел./факс: (863) 261-89-65, 261-89-50.

Ресейде дайындалған. Дайындалған күні: 04.2026. Жарамдылық мерзімі шектелмеген.

Басылды «Можайск полиграфиялық комбинаты» ЖШҚ.

Заңды және нақты мекенжайы: 143200, Ресей, Мәскеу обл., Можайск қ., Мира к-сі., 93 үй.

www.oaomrk.ru. Тел.: +7 (49564) 28-619.

BY З іскры загарыцца полымя: апавесці і апавяданні.

Фармат: 60×90/16. Тыраж 2 500. Заказ №

Выдавец і вытворца: ТАА «Феникс». Юр. і факт. адрас: 344011, Расія, Растоўская вобл.,

г. Растоў-на-Доне, вул. Варфаламеева, д. 150. Тэл./факс: (863) 261-89-65, 261-89-50.

Выраблена ў Расіі. Дата вырабу: 04.2026. Тэрмін прыдатнасці не абмежаваны.

Надрукавана ў ТАА «Мажайскі паліграфічны камбінат».

Юрыдычны і фактычны адрас: 143200, Расія, Маскоўская вобл., г. Мажайск, вул. Міру, д. 93.

www.oaomrk.ru. Тэл.: +7 (49564) 28-619.